

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №10 ГАЗЕТА

Алексей Бархатов / Пропавший патрон

БАРХАТОВ Алексей Александрович

Российский писатель, журналист, литературовед. Окончил факультет журналистики МГУ. Учился в аспирантуре Института мировой литературы. Профессор Института журналистики и литературного творчества. Действительный член Академии Российской словесности. Работал в газетах «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Литературная Россия». Был главным редактором журналов «Советская литература» и «Лепта», заместителем главного редактора «Литературной газеты». Автор нескольких книг прозы. Живёт в Москве.

Поздравляем старейшего члена редколлегии, писателя-фронтовика Семёна Михайловича Борзунова с 75-летием Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне!

В феврале 1941 года он окончил Военно-политическое училище. Будучи офицером-танкистом, в первые же часы 22 июня встретил врага на западной границе в районе Перемышля. Был ранен, но, придя в сознание, отказался от госпитализации и остался в боевом строю. Участвовал в обороне Львова, Тернополя, Киева...

Затем в судьбе Борзунова произошел поворот: он стал военным корреспондентом сначала дивизионной, потом армейской и фронтовой газет. Принимал участие в первых наступательных боях под Ленинградом и Тихвином, под Сталинградом и Воронежем.

22 сентября 1943 года вместе с небольшой группой разведчиков в первой лодке форсировал Днепр. Трое суток с оружием в руках Семён Михайлович вместе с гвардейцами отбивал многочисленные контратаки гитлеровцев.

Уже в конце войны, представляя боевого журналиста к очередной государственной награде, редактор газеты «За честь Родины» 1-го Украинского фронта писал: «Во всех решающих боях фронта: в зимнем наступлении 1943 года, в весеннем и летнем наступлении 1944 года, а также в последних наступательных боях 1945 года, тов. Борзунов неизменно находился с передовыми частями, под огнем врага показал себя бесстрашным журналистом».

Находясь в горящем Берлине, Семён Михайлович получил поздравительную телеграмму о награждении орденом Красного Знамени.

В одном из томов «Летописцы победы» известный публицист Юрий Жуков справедливо назвал С. М. Борзунова в числе первой десятки спецкоров войны: «Среди тех, чье журналистское перо

оставило горячий след в сердцах читателей газет военного времени, хочется особо сказать о К. Симонове, Б. Полевом, П. Трояновском, Ю. Королькове, М. Мержанове, Е. Воробьёве, С. Борзунове... и о многих других литераторах, работавших корреспондентами разных газет. Все они прошли трудными, незабываемыми дорогами войны, всем им довелось быть активными участниками поворотных в истории войны событий. У каждого из них была своя судьба...».

Редакция и редколлегия «Роман-газеты» желает Семёну Михайловичу Борзунову здоровья, бодрости духа, удачи в жизни и творчестве!

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Семен Борзунов
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2020
Все права защищены
Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**
в каталоге агентства
«Роспечать»
70782 на полугодие,
71752 на год;
в объединенном
каталоге
«Пресса России»
38915 на полугодие;
в электронном каталоге
«Почта России»
П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2020 №10 /1855/ Основана в 1927 г.

Алексей Бархатов

Пропавший патрон

Роман

Я был свидетелем сдвигов сознания,
Геологических оползней душ...

Максимилиан Волошин

Глава 1

Маленькие, будто игрушечные, домики и ангары веселой ребячьей гурьбой провожали набиравший высоту самолет, до последнего шаловливо заглядывали в разрывы облаков, снова прятались и, наконец, навсегда терялись в белесой, бесконечной и бессмысленной, как реклама порошка «Тайд», пенной равнине.

Инне вдруг показалось, что и все прежнее, совершенное доселе в жизни, вот так же туманится, мельчает, теряет масштабность и перспективу, уходит под крыло самолета, становится абсолютно несоразмерным полету ее души. Через пару часов, когда лайнер вновь прорвет эту белоснежную крахмальную пелену, когда снова покажется вышитая бисером дачных домиков земля, все окружающее станет как-то чище, свежее, благоуханнее.

Две недели назад ее срочно вызвали в главную редакцию, к самому «Журдену». Такое было только однажды, после репортажа с Рублевки, когда вместе с теперь уже бывшим начальником столичной ГИБДД Инна тормозила шикарные автомобили с незаконно установленными «маячками». Прижизненные саркофаги с наглухо затемненными от глаза людского и света божьего стеклами, пренебрежительно оттопыренными бамперами и будто с большого бодуна троящимися цифрами на номерах, безлико притормаживали перед фараонами в погонах.

«Ш 555еф», «Х 777ер»... Настоящий джек-пот для азартного гаишника. Цифры как пальцы — веером. Вариант русской рулетки — мотнул жезлом, а там, то ли голова твоя в кустах, то ли в краге «зелени» полста. Анекдот про нового русского, заказывающего в номер второй два чая на «чисто» английском языке, это ведь не просто эпос, это гимн новой жизни — «ту ти ту ту». У них и из клаксона раздается нечто подобное. Кстати, недавно один из модных телеколлег, да что там, прямо скажем, коллега в теле, уперся, что его авторская программа должна выходить ровно в 22.22., видимо, желая присоединиться к перспективному хиту со своим эксклюзивным «ту ту ту». Не дали — на «ту-ту» ты еще тянешь, а дальше, извини, пока двойное «зеро».

Картинка черных автомобилей, скопившихся в единую процессию на узкой Рублевке, с выглядывающими из-за приспущенных стекол пушкинскими персонажа-

ми («златая цепь на дубе том») при монтаже предельно естественно легла на скорбную мелодию Шопена. Этот дерзкий «сольник» для Инны Иволгиной чуть было не обернулся «Прощанием славянки» с телевидением.

Впрочем, «Журден» остался верен своему прозвищу. Десять минут журил, ворочая давно вышедшими из моды недемократическими бровями. Пять — ласково напоминал, что было бы за подобную вольность в старые недобрые времена.

И, наконец, еще пятнадцать — подмигнув, рассказывал знаменитый случай. Когда-то, дежуря «свежей головой» в «Московском комсомольце», он в пятый раз перечитывал первую полосу после очередной поздравительной телеграммы любвеобильного Леонида Ильича. Явление этих посланий вплоть до часа ночи, до «отбоя ТАСС» заставляло меня верстку, резать клише, сокращать материалы, переливать заголовки... А уж во время визитов, к примеру в Индию, журналисты уходили из редакций на утренней зорьке. При этом создавалось ощущение, что речь Индиры Ганди на русский переводили быстрее, чем спич родного генсека.

«И вот, уже во втором часу, смотрю на давно пропитавшую мой бедный мозг полосу, — дошел до широко известной кульминации «Журден», — а там заголовков... «Возложение венков к Мавзолею». Венков, а не венков! Тогда ведь заголовки не на компьютере, в металле переливали. Одна буква! Одна! А во мне в то мгновение жизни осталось не больше, чем в постояльце сего гранитного сооружения! Потому как ответственность была! Сознание долга!».

Так, вздетым к челу указательным перстом и бы-ла отпущена восвояси Инна.

Существовала, правда, и другая версия прозвища шефа. Якобы пару десятков лет назад, накануне приезда в Советский Союз обожаемой им Мирэй Матье он вознамерился освоить французский и здоровался со всеми исключительно «бон жур!», непременно переводя последнее слово на русский — «жур — день». С певицей встретиться не удалось, и кличка, пожалуй, стала единственным следствием этого вокально-лингвистического увлечения. Хотя все это легенды, которыми полны останкинские курилки. Могло быть и проще. Был Жорой, повзрослел, продвинулся, Георгием так и не стал толком, но стал Денисовичем — вот вам уже и Жорден — Журден.

— На этот раз ноги тебя вынесли, — добродушно усмехнулся после визита к «Журдену» многоопытный режиссер Слава Варейкин. — Благодарим их, стройненьких. С такими ножками, да фигуркой, да личиком тебе не в новостях торчать, где даже стенд ап в полный рост редкость... А в каком-нибудь шоу-токовище небрежно топтать липкое вождение

слоняной аудитории. Вон Ханга для нового проекта опять соратницу подыскивает. Посоветовать?

— Нет уж, уволь, «со-вратницей» не хочу, карьера пятой «хан-ги» меня как-то не очень греет! — В тон ему ответила Инна.

Формально все ограничилось, как и следовало ожидать, устным отеческим внушением, но задания с тех пор она получала, что называется, чисто конкретные — сгоняй только туда-то и принеси исключительно то-то. Впрочем, сладенькие предложения от всевозможных именитых добродетелей поспособствовать карьере присутствовали регулярно, иногда даже выдавались некие авансы в виде недельной командировки в Лондон, например.

— Что желаете? Осетрину, бифштекс? — тележка стюардессы неслышно поравнялась с креслом Инны.

Обед в «Аэрофлоте» делит не день, а время полета, и потому может быть и крестьянским завтраком, и миссионерским ланчем, и пионерским полдником.

Надо бы разбудить прикорнувшего по соседству оператора Виталия. Представители этой профессии, как давно уже заметила Инна, предпочитают ограничивать взгляд на мир исключительно рабочим временем. То ли оберегают глаза от суетности и замысленности, то ли масштаб без альтернативы окуляра скучен, то ли внутренний мир давно богаче внешнего, то ли просто профессиональное «дежа вю»?

Если и задумываться над этим, то не сейчас. Надо откинуть столик, принять поднос и начать последовательно нарушать герметичную деликатность небесной пищи.

Глава 2

А туманный Альбион был, пожалуй, единственным ясным пятном за последние полгода. И особенно приятным было это воспоминание здесь, в салоне авиалайнера, летевшего почти в ту же сторону...

Это ведь только натужный шлягерщик Кусманов может позволить себе на Гавайях или дачном лужке в Серебряном бору потреблять исключительно «я-ясные дни», а «не я-ясные» оставлять как пустые бутылки бомжующей судьбе. Инна, в отличие от него никогда не находилась в поиске очередного чиновного посредника в отношениях с провидением.

И тут на тебе — поездка на международную конференцию — галдящий Хитроу, впитавший полумрак столетий Тауэр, застегнутый на все витражные пуговицы чопорный Вестминстер, собор Святого Павла — вся иллюстрированная азбука школьного английского и ее пятизвездочный отель у «Виктории-стейшн», утренние газеты под дверью, трансляция

теленостей в ванную, халат, белый и пушистый, как мечта блондинки...

Былая династическая близость Британии и России будто сказалась и на ее высочествах телебашнях. Издали чудилось, что обе эти светские красавицы убрали тонкие шеи свои одинаково крупными, ярко блиставшими на солнце стразами Сваровски. На самом деле внутри, как и в родном Останкино располагался уютный круглый зал, где лондонские коллеги и устроили прием собравшимся на конференцию журналистам.

Инна долго с бокалом водки с тоником (пожалуй, главное отличие банкета — в Москве пьют джин, а в Лондоне предлагают водку!) обходила окружность смотрового зала, проникаясь чудесными видами английской столицы. Благо на стекле чуть выше реальности были приклеены прозрачные контуры с описанием всех этих дальних достопримечательностей. Увлечшись, она оказалась едва ли не последней, никак не зафиксировавшей свое место за столиками. Впрочем, знакомая с детства логика «опоздавшие садятся в президиум», как выяснилось, вполне актуальна и в церемониальной Европе. Сам президент ВВС, седой, морщинистый и стройный как Вестминстер, поднялся и с грациозной любезностью пригласил ослепленную Лондоном российскую Иоланту за свой почетный столик.

Соседями оказались американец, немец, швед и голландец, наперебой пытавшиеся завладеть вниманием очаровательной россиянки. Делали они это крайне печальным для Инны образом — задавали вопросы о внутренней российской политике. Попробуйте-ка по-русски ответить на вопрос «Почему не выбирают президентом Явлинского?». Получится либо долго и нудно, либо совсем коротко и очень по-русски. А тут приходилось пользоваться исключительно языком Кэрролла и Диккенса, активируя весь лексический стабфонд выпускника журфака МГУ, сдобренный профессиональной деликатностью «а ля Познер».

Между официальными мероприятиями удалось выкроить утро для полноценной экскурсии по Лондону на традиционном двухэтажном автобусе. С детских пор он был для Инны столь же экзотичным и значимым, как австралийский кенгуру или изваяния острова Пасхи.

Только-только забралась наверх, традиция проявила себя целиком — заморосил столь же знаменитый лондонский дождь. Зонт не спасал. Пришлось сбежать вниз в салон. Но — нет худа без добра — через две остановки Инна вдруг осталась вдвоем с гидом, худощавым симпатичным старичком. Сработали ненастье и то обстоятельство, что билет на экскурсию действителен в течение всего дня — входи,

выходи, глазей, обрастай пакетами с марками магазинов, садись на следующий автобус...

Старичок привычно взял было в руку микрофон. Затем огляделся, поймал взгляд единственной пассажирки, улыбнулся. Инна подседа к гиду, познакомилась. Дальнейший путь журналистка из далекой Москвы проделала в режиме личного такси. Сэр Герберт (это имя ему удивительно шло) вполголоса увлеченно и гордо рассказывал историю Лондона от кельтов до наших дней, а микрофон использовался лишь за тем, чтобы время от времени командовать темнокожей девушке-шоферу: «Молли, стоп! Молли, пожалуйста, дальше!». Так по Лондону, пожалуй, не ездил даже Абрамович!

А вообще-то по Лондону ездить нельзя, надо только ходить. Даже на каблуках. Даже через Темзу. И приятнее, и полезнее.

Ни метро, вагончики которого кажутся по сравнению с нашими такими подгулявшими тинэйджерами, беззаботными недорослями, еще не вставшими на твердый жизненный путь и не набравшими нужные габариты, но уже бурно отметившими выпускной, ни городские автобусы, в смиренном хадже отвоевывающие метры у уличных пробок — расположения Инны не вызвали.

Да и что там ездить? Риджент-стрит, Оксфорд-стрит, Бонд-стрит, Пикадилли... Секрет один — не пытаться обойти Гайд-парк с неудобной стороны. Стоит только двинуться обратно на площадь Виктории справа — так обязательно дождь и соответствующий концентрат недоумения в породистых глазах джентльменов и выгуливаемых ими пинчеров — такая леда и пешком?!

Так получилось и в последний день. Нагрузившись прощальными сувенирами и по ходу убедившись, что абсолютно все представленные в витринах пышноголовые гвардейцы и лорды — исключительно выходцы из Китая, вдруг обнаружила, что вовсе не оставила денег на возвращение в отель. Пришлось идти, увешенной хоть и не тяжелыми, но достаточно пышными пакетами. Кажется, где-то здесь родилось это понятие для носителей рекламы — человек-бутерброд. Так вот Инна в тот день, наверное, являла собой более совершенный и яркий подвид человека-пиццы. Благо еще, несколько пакетов были украшены схемой города — не собьешься, если коленкой как боевой пилот планшкетку, на ходу приподнимешь нужный.

Уже совсем недалеко было до контрольного перекрестка, когда в полусотне метров впереди остановилась кавалькада шикарных лимузинов. Ну, остановилась и остановилась. Инна, спустя два часа отчаянного пилигримства нашедшая самый энергосберегающий темп ходьбы, спокойно продолжала движение.

Пятнадцать метров... Церемонно распахнулись двери дворца-особняка. Десять метров... Вышли мужчины во фраках и расшитых мундирах с орденами, очень похожие на тех сувенирных, что трепыхались в тот момент в ее сумках, и дамы в сверкающих диадемах с высоко парящими близорукими взорами. Между ними и лимузинами, чьи дверцы уже чинно распахнули шоферы — метров восемь. А механически двигающейся Инне оставалось... ну может быть семь. Процессия приостановилась, чуть дальше положенного позагорала под неумными вспышками фотокамер. И едва только категорически незамеченная Инна прошла, церемония, как ни в чем не бывало, продолжилась.

Наутро она прочла в нырнувшей под дверь номера газете, что финиш ее марафонского забега совпал с финалом приема в честь очередного отпуска шефа гвардейского полка, кого-то из герцогов королевской крови. На приеме присутствовал весь высший свет британской столицы.

Попробовал бы некий празднично-опакеченный турист в родной Москве пересечь млечный путь какого-нибудь заместителя мэра, главы фракции или даже префекта... — подумалось тогда. — Увы, наша демократия бережно подхватила именно то, от чего расточительная и чопорная монархия давно гуманно отказалась, подхватила и залпом освоила, как завистливый официант бокал элитного вина, недопитый ушедшим клиентом.

И даже там, в Лондоне мысли снова вернулись к «мигалкам» на Рублевке, к последовавшему затем внушению от начальства.

Поэтому новый неожиданный зов в печально знакомый кабинет ну вот никак не ассоциировался со светлым будущим.

Наскоро совершив традиционный намаз, этакий покаянный вариант макияжа, она поднималась на начальственный этаж, и уже не торопясь, как на монтажном столе, проматывала в голове последние свои сюжеты, вышедшие, смонтированные и задуманные.

Останкинские просторы, напичканные всевозможной техникой, по преданиям, обладали способностью транслировать руководству самые сырые замыслы сотрудников. Можно, конечно, это объяснять и тем, что сырость вообще способствует проводимости. Но предания эти были старые, еще «догорбачевские», и потому явно грешили недооценкой человеческого фактора.

Некоторые из старейших весталок эфира, возможно более посвященные в эффекты и телевидения, и телепатии, и телепортации, упорно твердили о привидениях, о неких фосфоресцирующих туманных дамах, на чьих могилах был якобы некогда зало-

жен телецентр. Впрочем, отдельные привидения могли быть и значительно свежее — немалое число дам уже в новейшее время легло костями, чтобы как можно дольше задержаться в эфире. Разбуженные и пронизанные всевозможными силовыми полями души обретали подобие плоти и мстили обитателям монтажных, кабинетов и студий откровенным вмешательством в служебные интриги. Так или иначе, но некоторые хитроумно открытые начальством материалы затем надолго консервировались именно на этом этаже, за что и прозванном острословами «консерваторией».

Так и не найдя за собой никакой провинности, Инна под плавный кивок секретарши взялась за ручку начальственной двери.

В просторном кабинете, напоминающем запасник процветающего провинциального музея, кроме хозяина обнаружился еще один, доселе неизвестный Инне человек. Впрочем, она не сразу разглядела его между полутораметровым макетом морского спасателя «Павлик Морозов» и невообразимо ярким африканским тамтамом, сантиметрах в двадцати ниже копии картины Тернера «Пожар парламента». Сначала просто догадалась о его присутствии, поскольку улыбка привставшего со своего кресла шефа была непомерно велика для нее одной. Подозревать старейшего телезатока в том, что этимологию слова «радушие» он ведет от «рад до ушей», было бы крайне опрометчиво, но захлебывающаяся интонация фразы «А вот это и есть наша Инна Иволгина!» явно была заимствована из очередной киноэпопеи Светланы Дружининой.

Молодой человек в четко разлинованном, как судьба costume, энергично встал и в свою очередь улыбнулся вошедшей, с демократичной игривостью чуть склонив при этом голову к плечу. Инне бросилась в глаза аккуратная, будто мушка светской красавицы, родинка на правой щеке. На правой? Кажется, на куртуазном языке восемнадцатого века это было знаком девы. Ну как тут не улыбнуться в ответ?

Шеф мог бы уже и не представлять гостя. Инне давно казалось, что, экономя бесценное время юных вершителей судеб и заботясь об их круглосуточном международном имидже, в период ежегодной диспансеризации в ЦКБ их просто подвергают эпиляции, избавляя от необходимости ежедневного бритья. Может быть, эту процедуру придумали и сами изнывающие от скуки врачи. Вместе с давно привычным контингентом, ощущавшим холод мавзолея не только в государственные праздники, сановные эскулапы, что ни говори, утратили и заметную часть своей исторической значимости для судеб планеты. В прежние времена попадание к ним одного из членов политбюро или союзного министра сразу озна-

чало возможность нового кремлевского пасьянса. Поколение юных управленцев было патологически здорово и оттого достаточно снисходительно, если не пренебрежительно по отношению к предписаниям медиков. Энергичные, бликующе лоснящиеся, тонким благом ухающие и в то же время эдакие диатезно беззащитные...

— Норкин Александр Маратович. Давно хотел с вами, Инна Андреевна, познакомиться лично, так сказать, как давний почитатель. Ваши острога, энергия, я бы даже сказал, запал на справедливость... В общем... запал... — легким смехом в тональности айфона он предложил оценить свой каламбур.

«Журден», то есть Георгий Денисович, с готовностью поддержал его хорошо подставленным вторым голосом. И Инне снова не оставалось ничего, кроме как эфирно улыбнуться в ответ.

Про Норкина, курировавшего в Кремле телевидение, она, конечно слышала, говорили, что раньше он носил фамилию отца — Шварцкопф, но в самом начале политической карьеры прочел, что один из любимых фильмов президента «Щит и меч» и на всякий случай взял фамилию матери.

— Но ведь журналистика, — назидательным тоном продолжил Норкин, — особенно на нашем переломном этапе, Инна Андреевна, должна работать на консолидацию общества, на конструктивное сотрудничество, на модернизацию, на престиж державы, на единство России. А вы все на олигархов нападаете, на чиновников. Донкихотство это, борьба с ветряными мельницами. Красиво, но не рационально. Вашу бы энергию, как говорится, да в мирных целях...

Ну, какие такие, с позволения сказать, олигархи? Беляковский что ли, рассчитывающий перекроить всю Россию под свою сутулую фигурку, причем на расстоянии, методом телекинеза? Или Худаковский, натянувший на себя полосатую власяницу мученика приватизации?.. Как говорится, иных уж нет, а те далече. Помилуйте, какая опасность может исходить, например, от человека, чья фамилия означает лишь гору векселей? Они нам золотые яйца несут... И заметьте, ведь вовсе не власть, а, так сказать, благодарные дети Поволжья и Севера их во все возможные палаты и советы выдвигают.

Инне вспомнился ее одноклассник Олег Архипов, начисто изменивший оттренированную в армии личную подпись. Нынешняя выглядела действительно эффектнее — «ОлегАрх...». Причем неуместная для всякого грамотного человека буква «е» в данном случае должна была вызывать особое ощущение подлинности.

— Вот вы сами, Инна Андреевна, помнится, снимали забавнейший материал, — продолжал меж тем Норкин, — как соседний президент раздал каждому

успешному предпринимателю по отстающему колхозу. Да мы целые регионы, полуострова нашим миллиардерам даем. И полуостровов и островов у нас пока еще больше, чем их в списке «Форбса». Ну, скажите, что еще надо человеку, которому дают полуостров?

— Может быть, ему не достает Ла-Манша?

Собеседник, видимо привычный к тому, что все произносимые им вопросы исключительно риторические и категорически не требуют чужого мнения, запнулся было, но, надо отдать должное, быстро нашелся.

— Я вижу, вы в хорошей форме. Это радует. Давайте перейдем от теории к практике. Как говорят медики, от дискуссии к перкуссии.

При этих словах он снова включил сигнал внутреннего айфончика, воссоединил розовые подушечки пальчиков обеих рук, а ухоженные ноготки прицелил точно в природную мишень на правой щеке. «Эску-лапченки!» — ответно промелькнуло в голове Инны.

— Как вы, Инна Андреевна, смотрите на то, чтобы поучаствовать в ежегодном телеинтервью президента? Инна Иволгина!.. Красиво звучит! И лирично — «Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло, только мне не плачется, на душе светло...». Я было, грешным делом подумал, что это у вас псевдоним такой. И к телевидению подходит. Здесь ведь, что ни обозреватель, что ни шоу-мен, то птица — Сорокина, Дроздов, Соловьев, Галкин...

«И многие вынуждены быть перелетными» — чуть было не отреагировала Инна, но смолчала.

— Так вот. Интервью с Сергеем Сергеевичем. Вы и еще два известных тележурналиста от других компаний. Ну как? И не волнуйтесь, мы вам во всем поможем, в том числе и в разработке вопросов. Да и не только мы. Вся страна ему вопросы присылать будет!

Перед тем как согласиться Инна инстинктивно перевела взгляд на шефа. Хотя ясно, что на лице сурового эфирного ветерана в такой момент ничего, кроме плакатно торжественного «родина-отец зовет», отыскать было невозможно.

Войдя в лифт, уже неделю по случаю ремонта задрапированный изнутри кусками упаковочного картона, она вдруг поймала себя на мысли, будто ее купили и везут теперь куда-то в этой картонной упаковке, хотя ранее считалось, что ее характер ну вовсе не подарок.

Глава 3

Руководство государственной телекомпании, конечно, схитрило, направив своим представителем на беседу с президентом именно ее, двадцативосьмилет-

ною, симпатичную женщину, без году неделя переведенную из репортеров в комментаторы и даже не аккредитованную в Кремле. Лицо, еще не воспринимающееся заставкой между рекламными роликами, само по себе должно быть приятно и зрителям, и президенту. Эффектный ход! Особенно на фоне непреходящих участников — собаку съевшего в этом деле и будто сохранившего в лице ее послевкусие патриарха отечественного эфира Позднева или вечного дилетанта Евнукидзе, тщательно избегающего всяческой глубины, по слухам вследствие перенесенной в детстве кессонной болезни. С тех пор коммунисты всех стран и народов бессрочно отвечают перед ним за единственного члена своей партии — бабушку, не удержавшую его головку во время купания.

А какие еще варианты? Юноша бледный со взором горящим, которого словно подопечного братьев Запашных выпускают на экран ровно на полчаса, поспешно захлопывая дверь студии снаружи?

Тот самый ведущий «22.22.», написавший уже и книги под смешными названиями «Евангелие от мёню» и «А пока сепсис»? Знавшие его ближе говорили, что еще уместнее было обозначить жанр — «Адамгелие» ввиду полного осознания автором своего исторического первенства. А еще более близкие свидетельствовали, что эта мания первенства вовсе преобразила его рублевские владения — вся средняя растительность средней полосы была заменена исключительно пальмами и лаврами. Правда, карликовыми, но таковы условия, такова среда — «а, впрочем, для здоровья полезны холода», как пелось в романсе из «Двенадцати стульев».

Нет уж среди обозревателей ни того телеакадемика, что еженедельно разглаживал холеные усы в эфире, ни того, что, сдвинув набекрень брови, недоуменно ласкал ладошкой аллергию от недавно сбритых пушкинских бакенбардов.

Выбор-то и впрямь был не столь уж велик. За полтора десятка лет и на телевидении, и на радио сменилось уже три поколения — пеной с губ рожденные, крикливые пустобаи начала девяностых нахрапом вытеснили строгих профессионалов прежней школы, а потом время сполоснуло с экрана уже их самих, отдав и вовсе предпочтение формам, а не содержанию — инфотеймент! Седеющие дикторы и режиссеры молчаливо смотрели на извивающихся под чью-то дудку как кобробразный доллар телеведущих глазами булгаковского профессора Преображенского и лишь в разговоре друг с другом позволяли переводить свои эмоции в общепринятые «у...е...».

Аборигены здесь делились, по сути, на две категории. «Кочевники», опустошительно двигавшиеся по каналам, программам и титрам, в поисках свежей зелени, с хорошо развитыми ноздрями, локтями и

ногтями. И «хуторяне», с фигурами и манерами «ваньки-встаньки», отлично развитым и максимально приземленным центром тяжести, давно и прочно обжившиеся в Останкино целыми семьями, качающие жизненные блага, как «Газпром» из скважины, из одной и той же передачи, а нередко и из самого «Газпрома».

Печатной прессе, наверное, повезло все-таки больше. В силу специфики. Как своей собственной, так и самих вольноопределяющихся демократических медиапризывников. Им ведь сразу хотелось славы, денег, узнавания, почитателей и лобызателей, шале и дефиле.

А это все дает только «ящик». Текстами и собственными именами запомниться куда сложнее, чем псевдонимным мельканием на экране, где важно не что и как, а — сколько и с кем. Чтобы сделать серьезное имя требуются работа и годы, чтобы явить нужное лицо — пять минут и визажист. Да и читать себя любимого бывает тяжелее, чем лицезреть. Кстати, чем газеты и были все-таки обязаны телебуму так это явлением портретиков рядом с публикациями, этаких фотопроб «претендентов на большее». Успех подобных ведущих уверенно определялся критерием интернета — числом пользователей.

На записи интервью Инна, впервые оказавшись в такой близости от президента, поставила себе задачу скрупулезно фиксировать манеры, мимику, жесты, выражение глаз этого человека. Но, будто разгадавший ее замысел господин президент, отвечая не только на ее собственные, но и на вопросы ее коллег, часто смотрел прямо в глаза Инны, уверенно и несокрушимо, заставляя ее без всякой необходимости опускать взор к запискам на столе, терев пальцами авторучку.

Была ли это защитная реакция, или нарочитое внимание опытного политика к молодому поколению, но в результате этой визуально-таранной тактики Инна четко запомнила лишь, как он вошел — нарочито уверенно, пружинисто и энергично перекидывая тяжесть тела с одной ноги на другую, покачивая плечами, чуть исподлобья, неприметно, но цепко схватывая округу. Почему-то подумалось, что так ходят парни, провожающие поздним вечером девушку в чужой район.

Запечатлелась в памяти и старательная глубокая морщинка над переносицей, которая сопровождала текст как компьютерный значок важности послания. И акцентированная артикуляция — так на родном языке говорят с детьми и глухонемыми или с иностранцами, но уже на их собственном. Седовато-облачные голубые глаза, слишком усталые для этого еще достаточно молодого, подтянутого, энергичного лица. Взгляд, который он переводил на нее, был вре-

ментами почти откровенно скучающим, протокольно обязательным, какой бывает у человека, предвидящего течение мысли собеседников и обреченно выжидающего ее окончательного словесного оформления.

Лишь изредка, этот взгляд исподлобья менялся, менялся мгновенно, в глазах пробежала искорка интереса, даже задора, едва скрываемая прищуром. Перед тем как ответить на неудобный вопрос, он слегка откидывался в сторону, будто боксер в замедленном рапиде пропуская над плечом прямой выпад противника, опирался на стол левым или правым локтем, бросал короткий взгляд на собеседника, как бы привычно определяя расстояние до него, и затем, причем уже не глядя, уверенно и твердо начинал говорить.

О чем? Инна по-настоящему сумела оценить смысл его ответов только в монтажной, прокручивая туда и обратно исходник. На самой встрече катастрофически мешала разница между тем, что было нужно и возможно и тем, что хотелось спросить на самом деле. Впрочем, это было неважно. Анкетное, заранее отобранное и просеянное интервью, как ни старайся, как ни демонстрируй свой профессиональный класс, для опытного зрителя все же остается осетриной второй свежести.

Видимо, это внутреннее смятение было достаточно заметно, раз сразу после традиционного «спасибо всем» президент, уже встав с кресла, улыбнулся Инне и вдруг спросил:

— Вы чем-то расстроены?

— Тем, что так и не смогла с вами поговорить! — со всей накопившейся прямотой выдала Инна.

— Ну, это поправимо. Прилетайте ко мне на юг, в горы! Там времени будет побольше, волнения поменьше. Помните, как называется одна из глав «Гулливера»? «Дышите глубже, вы взволнованы». Так вот вместе со Свифтом разрешите прописать вам сеанс горного воздуха. Здесь только начинается весна, а там уже и лето, и горные лыжи. Прилетайте, прилетайте! — И уже почти вполборота вдруг с лукавым прищуром обронил. — Кстати, это поможет вам избавиться от необходимости носить очки без необходимости. Ведь со зрением-то у вас все в порядке, не так ли?

И не дожидаясь ответа, он попрощался.

Эффект был рассчитан точно. Знак внимания — это вежливость, а знак внимательности — это уже чуткость. Очки у Инны были действительно без диоптрий, в строгой, нарочито нефирменной, но тонкой и даже изящной оправе. Она стала надевать их несколько лет назад, для солидности и серьезности, а главное — избавления от имиджа «милашки», столь популярного на нынешнем экране. Надо признать, что они еще и шли ей, чуть прикрывая легенькие врожденные складки под глазами, будто ретушь подчеркивая утонченность и даже определенную

изысканность, присущую чертам ее красивого лица. Косметику Инна не жаловала, избегая всякой яркости, резкости, ограничиваясь неизбежным аккуратным макияжем для эфира.

Трюк с очками подсказал отец. Когда она поделилась своими опасениями по поводу имиджа, он рассказал, как в семьдесят втором, в начале второго курса их группу журфака МГУ отправили на практику в химкинскую районную газету под названием «Вперед», которую, как говорилось, никто не берет. Он быстренько написал зачетный фельетон о том, как на последние этажи тогдашних девятиэтажных небоскребов не поступает горячая вода. Но помимо этого краем уха услышал, что местный комбинат древесностружечных плит и деталей регулярно на какие-то сумасшедшие проценты перевыполняет план. Писать еще один материал в районку? Это роскошь! О передовиках, как, впрочем, и о второкурснике МГУ должна знать вся страна. Куда писать, куда писать... Только в «Правду»! Наиглавнейшую и славнейшую!

Хотя даже крайне беглый взгляд в зеркало свидетельствовал о некотором несоответствии в весовых категориях. Дефицит солидности, как ему подумалось, могла успешно компенсировать только... шляпа, фетровая, с полями и шелковой лентой, с лихо смятым под три пальца верхом. Именно такие регулярно по праздникам печатала «Правда» на первой полосе на панорамном фото постояльцев мавзолея.

Войдя в кабинет директора, он отрететированным жестом определил ее на стол рядом с блокнотом. И все же в глазах собеседника во время беседы играла добродушно-ироничная, покровительственная улыбка этакого мецената, будто он снисходительно оценил и принял некие условия игры, щедро отдал свое драгоценное время в жертву юному дарованию.

Это было начало октября. Студент отнес свое творение в редакцию. А через две недели в «Правде», на первой полосе, рядом с очередной телеграммой любвеобильного Брежнева появилась стострочная заметка. А ведь это же накануне ноябрьских праздников! А первая страница «Правды» — это не журналистика, это руководство к действию. Предприятие получило к годовщине Октябрьской революции целый ворох переходящих красных знамен — отраслевых, областных, республиканских, союзных, а директор одно, но зато не переходящее — с лентой, на лацкан. «Сначала было дело, но дело было в шляпе!» — запомнила Инна заключительную фразу отцовского рассказа.

Очки, как и та шляпа, по сути, едва ли серьезно меняли облик. Скорее нужны были лишь самому обладателю для нейтрализации навязчивого возраст-

ного комплекса, для творческого уюта. В позапрошлых веках это, кстати, были вееры, лорнеты, монокли... А начинающим телеведущим всегда советовали в прямом эфире теревить в руках некое снимающее напряжение пишущее приспособление.

«Прилетайте, прилетайте!.. Дышите глубже, вы взволнованны...»... Какой предмет теперь поможет ей быть в своей тарелке?

Глава 4

Их съемочную группу встретили прямо на летном поле. Джим с офицером охраны подкатил к самолету и затем через шлагбаум в стороне от аэровокзала вышел на трассу.

Инна хотела было по привычке профессионально наладить контакт с сопровождающим. Но молодое мускулистое лицо секьюрити столь явно выражало полную готовность предельно скупой ответить на любой вопрос, что уже первое предпринятое гостями уточнение пути до резиденции, скорее всего, выбрало весь лимит его откровенности.

А через десять минут желание поговорить пропало уже у самой Инны. По городу, по шоссе дерзкая скорость передвижения даже радовала, но когда начался горный серпантин!.. Сидевшая справа от водителя Инна не раз инстинктивно прикидывала и глубину ущелий, и сантиметры, отделявшие колеса от обрыва. А ноги ее неустанно искали педали, стремясь исправить неугомонную лихость водителя.

Как выяснилось, они снова попали к обеду, соблазнительному своей шведской естественностью и кавказской насыщенностью, особенно после целлофанового угощения стюардесс.

Затем их проводили в небольшой, но уютный двухэтажный коттедж, предупредив, что президент освободится к шести. У них еще три часа. Можно отдохнуть, поиграть на бильярде на втором этаже, сходить в бассейн, в тренажерный зал или на корт, познакомиться с оранжереей. Оператор и звукорежиссер с удовольствием стали гонять шары, отдавая должное качеству стола, луз и киев, а Инна, приняв душ, вышла на лоджию, опоясывающую почти весь второй этаж.

С гор дул легкий приятно освежающий ветерок. Но голова была ватная. То ли от недавнего перелета, перемены пояса, то ли от высоты. Сколько здесь над уровнем моря? А над уровнем жизни? Белые коттеджи, кипарисовые аллеи, цветники, лужайки, теннисные корты... И все это в зеленовато-сизом окружении гор.

Вид был поистине завораживающий. На горы вообще можно смотреть долго. Они постоянно меня-

ются. Это зависит от времени суток и погоды, от любого облачка или тучки. Будто мудрецы, ежечасно решающие проблемы подопечных им долин, аксакалы-чабаны, охраняющие отару свою от волков и всяческих напастей, они — то сумрачно хмурятся, то проясняют свое чело, то сияют от внезапного прозрения.

В их компании должны неплохо себя чувствовать и людские избранники, водители и радители народные, ищущие блага для отечества. Тут уютнее думается, большие дали приоткрываются. Впрочем, Кавказ ведь традиционный Олимп российский, здесь «все подо мною, один в вышине»... И хотя бы изредка человек, созерцающий горы, великие и вечные, должен задуматься над собственной значимостью, над масштабом себя и дел своих. А это может привести и к ощущениям, нарушающим привычный процесс пищеварения, включая и пищу духовную, конечно, а стало быть, весь процесс жизневарения.

Инне вдруг пришла мысль о том, как появились на главной площади страны знаменитые голубые ели — ведь это своеобразные муляжи этих гор, создающие при ракурсе исключительно с трибуны мавзолея стойкое ощущение вершины мира, вершины власти и счастья, горней проповеди, воспарения и превосходства над всеми и всем.

Как удивительно созвучно этой картине возвышенное тютчевское:

Там в горнем, неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течет.
Туда взлетая, звук немеет;
Лишь жизнь природы там слышна —
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.

Готовясь к поездке, Инна, конечно же, пересмотрела немало видеозаписей, почитала наиболее интересные выступления и интервью, посмотрела биографические материалы о президенте.

И возраст, и темперамент, и свободная манера общения Сергея Сергеевича Разина, нынешнего правителя России, были непривычны, пожалуй, даже не имели аналогов в послеимперской истории. Даже скрытность его была какая-то открытая, откровенная. Ну а рейтинг традиционно высок.

Поначалу это во многом объяснялось знаменательной аббревиатурой имени, отчества и фамилии — С.С.Р. и резким контрастом с предыдущим лидером нации. То, едва вмещающееся в экран, самодовольное лицо страдающая и беднеющая страна уже открыто ненавидела, от ложных обещаний и не-

уместного скоморошества давно испытывала усталость и стыд. Достаточно уже быть просто не таким. Просто не таким. Более худым, менее высоким, менее мясистым, губастым и носастым, наконец, даже иначе причесанным и одетым. А преемник оказался еще и более корректным, трезво мыслящим, уравновешенным, чутким к реалиям и людям.

Особое обаяние Разина первыми начали отмечать, как водится, признанные завсегдатаи признанных столичных домов — кино и литераторов — люди творческих профессий, со сгущенным молоком Станиславского впитавшие главный рецепт успеха — искать в отрицательном положительное, а в положительном — отрицательное. Если бы завет Константина Сергеевича в расчете на особо впечатлительных был снабжен суровым грифом «Для служебного пользования. Из театра не выносить», это могло бы уберечь Россию от целого ряда навязанных кумирами заблуждений.

Светских женщин привлекали в президенте спортивность фигуры, худошавая мужественность лица, чувство юмора, находчивость, быстрота реакции, решительность, энергичность. Мужчин — осмотрительность и осведомленность, холодная ясность ума, оригинальность подготовленных решений. Многие поначалу гадали, на каких условиях ему передали власть. Одних смущала неприкасаемость некоторых одиозных фигур прежней администрации, других то, что характерным показателем стабильности экономического развития страны стало ежегодное увеличение числа миллиардеров и соответственное повышение «средней зарплаты по больнице».

Похвалы были столь противоречивы, что иногда казалось, будто речь идет о двух совершенно разных людях. Впрочем, и сам Сергей Сергеевич, безусловно, менялся едва ли не с каждым проходом вдоль почетного караула преображенных киверастых кремлевцев.

Ретроспективный просмотр, предпринятый Инной, был более чем занимателен. Да, да, перемены заметны. В лексике и стилистике, уверенности общения, выражении лица. Это уже не чей-то ставленник и преемник, а фигура вполне самостоятельная, день ото дня наращивающая собственную политическую волю, раскованность, иногда даже лихо переплескивающуюся через край. Но это в свою очередь добавляло ему народности, «свойкости». Убавляя очки по одному критерию, он с лихвой отыгрывал их по другому. Не теряя одних сторонников, приобретал других. Это промахи на публику, как у искусного канатоходца, вызывающего одинаково искреннюю реакцию всех секторов, независимо от стоимости купленных билетов. Походка его лишь чуть-чуть изменилась, как меняется у одного и того же борца при выходе на татами и потом к пьедесталу.

Все познается в развитии. При Разине появилась и утвердилась на телевидении ежедневная новостная картинка президентского кабинета с частным докладом одного из высших чиновников. Гости поначалу робели, словно боясь, что в следующий раз вызовут уже вместе с родителями, но постепенно успокоились, вошли в роль, и телекадры эти стали мало отличаться от производимых неподалеку сувенирных фото встречи любого гостя столицы с картонным «горбачевым» или «ельциным» в полный рост. Возник и постоянный сюжет общения с премьер-министром или Советом безопасности под предельно емкое и столь же предельно откровенное информационное сопровождение: «на встрече обсуждались некоторые вопросы внешней и внутренней политики».

Немного странно, что все чаще вместо супруги, порой даже на официальных встречах с главами других государств, в кадре регулярно фланировала знаменитая собака президента — большой, мохнатый и добродушный сенбернар Тони. Тони и ножки Буша, собака и руки Ширака, не говоря уже о неподражаемой радости хвоста при визите тетки Блеера... Удостоенный всех протокольных почестей и ласк, этот сенбернар мог бы гордиться перед собратьями уникальной коллекцией ароматов мировой политической элиты. При этом тихо и мирно лежащая у ног Разина огромная собака активно участвовала в переговорах, напоминая гостям о ядерном потенциале страны.

Даже самая полная видеотека хроники оставляла впечатление, что с супругой президент встречается реже, чем со стюардессой на трапе борта номер один. У Инны в голове даже зародилась мысль, что и среди политиков, как среди духовенства, бывают белые и черные клобуки. Хотя на монаха он вроде бы тоже не походил.

В Останкино по этому поводу, конечно, гуляло немало слухов. Точно было одно — бизнесмены и чиновники знали, что протаскивать какое-то решение, как водилось при других лидерах, методом русской репки — последовательно подключая жену и дочку — уже не получалось, а Жучку, то бишь, пятидесятикилограммового Тони, соблазнить было и того сложнее. Тони порой одним только взглядом обеспечивал провозглашенный хозяином постулат о равноудаленности представителей бизнеса от власти. Но не забывайте, ведь и в сказке решающим-то было участие последнего персонажа, серой мышки, которые в Кремле, как в любом историческом здании, конечно же, водились. Роль их в кремлевской иерархии незаметна, зато чуткостью и аппетитом, знанием всех потайных ходов и ловушек обладают отменными. И притом каждая, уж, конечно же, го-

раздо богаче своих сородичей церковных. Их жизнь могла осложниться лишь однажды, когда на одном из выступлений президент вдруг заговорил о жирных котках, но позже выяснилось, что он имел в виду банкиров, с которыми у мышей были вполне сложившиеся отношения. Мышам ведь всегда выгодно перекармливать котов.

Разин действительно интересовал Инну. Поначалу чисто профессионально. Впервые это был не вождь в футляре, оторванный от почвы, как орхидея, возвращенный без стебля и листьев на единой гидроронике из трех партийных источников и неизменно вянувший без этой привычной подпитки. Не доставленный без особых внешних повреждений сквозь пространство и время, а человек по возрасту, манерам, пристрастиям достаточно понятный и близкий ее поколению.

Через какое-то время под влиянием встреч с людьми, которые при разговоре с московской журналисткой часто стремились высказать свои симпатии, надежды, проверить ожидания, она стала наблюдать за президентом уже как бы и с их точки зрения.

Оппозиция именовала восторженных приверженцев Разина просто — «разинями». Инна вовсе не принадлежала к их числу. Несмотря на некую априорную симпатию, уверенного и устойчивого отношения к нему как-то не удавалось выработать. Она — то яростно и искренне защищала его в разговорах с коллегами, то не могла скрывать явного разочарования от его решений. От случая к случаю, он порождал разные чувства, и порой это была обида, причем обида личная, будто бы на хорошего знакомого, близкого человека, которому доверяешь, от которого ничего кроме добра не ждешь. Может, не доглядел, времени не хватило вникнуть, разобраться, советники в очередной раз подвели. Но кажущаяся непоследовательность, противоречивость в отдельных делах, высказываниях и решениях спустя время принимала вид программной целостности и однозначности. И снова в одном случае это радовало, в другом — пугало.

Совершенно необъяснима была кадровая политика. Ну, то, что смена должна проходить постепенно, это понятно. И то, что появились на вершинах власти земляки, лично знакомые с детства, юности, по университету и прежней работе — тоже понятно. Кто ж и куда нынче приходит без своей команды? Ее отец, Андрей Сергеевич Иволгин прозвал их «однодворцами», тем более что один из знакомых ему генералов-соратников, уж совсем по-тургеневски, носил фамилию Овсянников. Но за первой волной «однодворцев» пошла вторая — знакомые однокурсников, однокурсники знакомых, подросшие дети. И в списках Форбс постепенно появились иные лю-

ди. «Знаюки болевых приемов уверенно вышли на татами отечественного рынка» — снова шутил ее отец, тоже некогда кандидат в мастера по самбо.

Однодворцы, вышедшие в вельможи, вельможи, ушедшие в «вель-бомжи» — все это не новинки для отечественной истории. Но почему же, как ни в чем не бывало, чирикают и каркают, перепархивая с одной высокой ветви власти на соседнюю, суетливо успевают между делом все и всех клевать вокруг, серенькие деятели прежних времен, те которые имеют давно признанные мрачные заслуги и пугающие антирейтинги?

Сакраментальное «других чиновников у меня нэт»? ПГУшное «своих не сдаю»? Они пригодятся в случае аварийной ситуации, как мешки с песком терпящему высоту воздушному шару? Стратегический балласт? Но балласт этот уж очень активный и деятельный, продолжает утяжеляться и утяжеляться за счет откровенно набиваемых карманов. У них давно «заправлены в планшеты» кредитные карты с космическими цифрами и маршруты выверены, и огонь на посадочных полосах вечен, поскольку «на халяву» зажжен от священного.

И снова мудрый отец говорит: «Успокойся, это все люди вчерашнего дня, их будущее — кому на нары, кому на Канары. Ведь и дети-то их давно за рубежами учатся, живут, женятся, делают карьеры, забывают язык. Россия для них давно уже Гекуба».

Это временно, но неизбежно? Это и есть та самая «Золотая орда», которая выдала Разину ярлык на княжение? Дань тяготит, однако избавляться от нее в старорусских традициях надо подспудно, хитро и осторожно? Но ведь и президентство у нас не пожизненное. Надо что-то успеть, что-то изменить, не разочаровать избирателей, оставить по себе добрую память, влияние, наконец, даже возможность возвращения на вершину. «А тебе сразу Дмитрия Донского подавай! — Снова вспомнилась реплика отца. — Нет, сегодня каждый кулик свое Куликово поле славит».

Наверное, ни один режиссер не придумал бы лучшего задника для разговора о перипетиях власти, чем эти горы, ущелья и перевалы. Пожалуй, и беседу надо строить по заветам альпинистов — осмотрительно, не торопясь, step by step, надежно закрепляясь на достигнутом, страхуясь и тщательно подбирая следующий вопрос.

Тут заиграла мелодия ее мобильного — любимый вальс из свиридовской «Метели». Номер вызывающего был скрыт, а вот голос она узнала легко. Президент поздоровался, поинтересовался, как долетели, как устроились, и вслед за тем предложил прогулку-экскурсию по территории.

— Сколько вам нужно времени?

— На интервью?

— Нет, на то, чтобы собраться. Время для интервью еще будет. А пока камера вместе с операторами вполне может отдохнуть. Тем более что они такие заядлые бильярдисты!

Тут он будто бы заметил ее инстинктивный поворот головы, настороженный взгляд и шуточно уточнил:

— Да не волнуйтесь вы так, камеры здесь следят только за мной! Причем последние два дня это им делать проще.

Глава 5

Концовку фразы Инна поняла, только увидев Разина с палочкой в руке. В ответ на ее обеспокоенный взгляд он улыбнулся:

— Ну, вы ведь вот очки носите для солидности, а я выбрал палочку. Вам разве не нравится?

И он, сначала изобразив некое упражнение для начинающего денди — круговое вращение тростью, сделал несколько шагов в стиле то ли Гарри Купера, то ли Чарли Чаплина. Трость была и сама по себе достаточно изящна и красива, из красного дерева с набалдашником в виде головы орла.

— На самом деле, я не под Черчиля кошу, просто легонько потянул ногу. Катался на лыжах. Через пару дней, я думаю, уже пройдет. Но нет худа без добра. — И снова эти глаза смотрели на нее в упор. — Не повезло мне, повезло вам. У меня теперь больше времени на общение. Да и вообще когда — никогда надо привыкать. У них ведь там ни один президент не избегает участи хромой утки.

— Так может вам не стоит напрягать ногу. Нужен покой... — робко начала было Инна.

— Покой не нужен, а вот взять меня под руку вам, пожалуй, из милосердия все-таки придется.

Так мило начавшись, четыре дня пролетели быстро. Съёмки, разговоры, ритуальные медленные прогулки по аллеям. Дважды купались вместе в бассейне. Впрочем, купалась она, а Разин уверенно и размашисто, с упоением и отчасти неким пижонством отмерял отрезки от бортика до бортика, лишь изредка расслабляясь и подплывая к ней. Оператор был в восторге.

Инне казалось, что они даже подружились. Во всяком случае, симпатия возникла. Обоюдная и, кажется, искренняя. В общении без камеры он оказался простым и легким, пожалуй, даже обаятельным человеком. Беседовал с ней охотно, старался пояснить все спокойно и не торопясь, не уходил от вопросов, лишь иногда прибегая к шутке. Как в случае давно приготовленного Инной отважного вопроса о друзьях детства и юности, ставших в одночасье олигархами, руководителями корпораций.

— Это правда, мне повезло с друзьями. Они энергичные, способные люди.

— А говорят, это им повезло с вами?

— Конечно. Ведь настоящая дружба всегда взаимна. В отличие, скажем, от любви...

Губы чуть растянулись в улыбке, а вот глаза чуть погасли в прищуре.

Она по-прежнему отмечала мельчайшие детали его мимики, ловила настроение. Особенно интересно это было наедине. Включенная камера мгновенно заставляла его быть не просто добродушным и общительным, а сосредоточенно добродушным и тщательно общительным. И это было заметно. Во всяком случае, Инне. Хотя оператор Виталик не устал поднимать большой палец, пребывая в постоянном кайфе от снятого материала. Инна склонна была объяснять эту перемену в Сергее Сергеевиче просто издержками усилий имиджмейкеров.

Интересное и насыщенное в жизни всегда будто следует иному временному измерению. И вот все! The game is over. Будто обратная перемотка в монтажке — джип, офицер охраны, серпантин, служебный шлагбаум аэропорта, просьба пристегнуть ремни и привести кресла в вертикальное положение. Можно еще в иллюминаторе попробовать определить те самые горные вершины, что окружают резиденцию, взглядеться в зеленые рощицы, в дороги и крыши, в любой фрагмент той тоненькой визуальной нити, что связывает в памяти настоящее с уже ушедшим.

Впрочем, неизменное единство прошлого и настоящего надежно подчеркивал спящий в соседнем кресле оператор. Да и Инна борьбу с дремотой смогла с переменным успехом продолжать лишь до прихода подкрепления из пищевого резерва «Аэрофлота». Поглощенная еда мгновенно перешла на сторону противника, непомерно отяготив веки.

Инне за последние годы полетать пришлось немало — как срифмовал тот же неизменный оператор, «от Байкала до Ямала». Просторы России нынче бороздят десятки авиакомпаний с яркой, как у команчей, вставших на тропу войны, раскраской на борту. По возможности их услугами лучше не пользоваться, они действительно приняли рынок как боевой вызов, где задача естественна и проста — «держаться до последнего самолета, до последней капли горючего, до последнего пассажира».

Лет шесть назад Инна наблюдала незабываемую картину полностью бодрствующего рейса. Она делала репортаж о российских днях культуры в Казахстане и возвращалась в Москву вместе со всей делегацией на самолете казахских авиалиний. Народные артисты даже в гриме не бывали столь бледными, балерины делали арабески глазами, скрипач, как ре-